

Ахмедова Тевриз Магомедгаджиевна

аспирант,

Дагестанский государственный технический университет

madina2405@mail.ru

Tevriz M. Akhmedova

graduate student,

Dagestan State Technical University

madina2405@mail.ru

**Семейная культура молодежи:
особенности формирования в условиях глобализации**

**Family culture of the youth:
features of formation in conditions of globalization**

***Аннотация.** В представленной статье предпринимается попытка конструирования теоретического пространства исследования семейной культуры молодежи в условиях глобализации. При этом акцентируется внимание на значимости традиционных оснований семейной культуры, выступающих культурными универсалиями, не утрачивающими своего значения в современном глобализирующемся обществе и выступающих субстанциональной основой для трансформации структуры семейной культуры молодежи, в российской реальности не имеющей унифицированной и единой формы и дифференцирующейся по регионам и этнокультурным сообществам.*

***Ключевые слова:** семейная культура, структура семейной культуры, молодежь, семья, глобализация, традиции, семейные отношения.*

***Annotation.** In the article, an attempt is made a move to construct a theoretical space for studying the family culture of the youth in the context of globalization. At the same time, attention is focused on the importance of traditional foundations of family culture, which act as cultural universals and do not lose their significance in the modern globalizing society. They act as a substantial basis for transforming the structure of the family culture of youth, in Russian reality, which does not have a unified form and is differentiated by regions and ethno-cultural communities.*

***Key words:** family culture, structure and family culture, youth, family, globalization, traditions, family relationships.*

В современном мире, представленном множеством культурных миров и традиций, типов семей и семейного поведения, семейная культура молодежи формируется под влиянием двух разнонаправленных факторов: с одной стороны, - это фактор традиционализации, связанные со стремлением каждого народа, общества и государства сохранить традиционные основы

функционирования семейно-брачных отношений, а с другой – фактор глобализации, под влиянием которого происходит унификация ценностей, отношений, образцов поведения в семейной сфере, хотя этот процесс протекает с различной степенью интенсивности и результативности в различных регионах мира и российского общества в том числе.

Можно сколько угодно говорить о вреде и пользе глобализации и тех новых веяниях и тенденциях в сфере семейных отношениях, которые связаны с ее влиянием на жизнь и образ мыслей современного человечества, но неоспоримым является сам факт этого влияния, которое необходимо учитывать, как в рамках социологического изучения проблемы семейной культуры молодежи и диагностики ее будущего состояния, так и в процессе разработки практико-ориентированных программных проектов и концепций в области реализации молодежной, семейной и демографической политики государства. С этими обстоятельствами связан представленный в данной статье ракурс исследования и его основная цель – выявить на уровне теоретической рефлексии особенности формирования семейной культуры молодежи в условиях глобализации с акцентом, конечно же, на российской реальности.

Понятие семейно культуры молодежи предполагает операционализацию ключевого понятия «культура», которое имеет разнообразный спектр интерпретаций в социально-гуманитарном знании. Это разнообразие сложно передать в рамках данной статьи, но приведем основные позиции, характеризующие данное явление. Они связаны с пониманием культуры и как системного качества духовной жизни общества, и как выражения творческой деятельности человечества в самых различных сферах, отражающее его бытие и сознание, направленное на развитие сущностных сил человека в различных измерениях, и как совокупности объективных ценностей, и как сущностное выражение отношения человека к миру, к людям, к их деятельности, и как совокупность всего, созданного человечеством на протяжении его исторической эволюции, и как способа и результата человеческой деятельности, находящего выражение в общественном продукте в виде традиций, обычаев, представлениях о добре и зле, орудиях, средствах социальной коммуникации т.д.) [1].

При этом важно понимать, что результаты человеческой деятельности, выраженные в духовной или материальной форме, могут носить не только положительное, но и отрицательное значение для функционирования общества, хотя с понятием культуры, как правило, ассоциируется позитивный опыт человечества. Эта амбивалентность понимания культуры с ее противоречивостью, многозначностью, размытостью концептуальных границ была подмечена российскими учеными [2], с мнением которых сложно не согласиться, поскольку практически нет таких явлений и процессов, которые бы не были связаны с понятием культуры, с миром культуры, с культурным контекстом, ибо все, что создано человеком, имеет смысл интерпретировать в контексте смыслов и значений, соотносимых с

определенной культурой, с обществом, мыслимым как целостное культурное образование.

Человек возможен только в культуре, как осуществляющий себя в определенном культурном поде, творящий себя в культуре [3], и с этой точки зрения культура предстает как пространство существования человека, в котором он познает себя и людей, творит себя, осуществляет себя. Иными словами, культура в данном философском контексте, который очень близок к интерпретации культуры в социологии жизни, очень близка трактовке, связанной с образом жизни человека в обществе с его материальными и духовными атрибутами, разрушительными и созидательными силами и интенциями, противоречиями и высшими смыслами. Такое ницшеанское отношение к культуре как пространству жизни с ее хаотичностью, потенциалом созидания [4] и разрушения, культурными мирами, формирующими жизненные миры с определенным отношением к человеку, окружающей среде, к социальным институтам и организациям, очень близко тому, что в концепции социологии жизни предстает с позиций социальной обусловленности культуры и ее влияния на социальное поведение [5].

Культурная обусловленность процессов, явлений, социальных институтов и организаций – достаточно устоявшаяся в социологии традиция исследования социальной жизни, ее отдельных аспектов, социальных групп, что находит выражение в концептуальных основаниях культуральной социологии, которая, синтезируя в себе потенциал социологии и культурологии в исследовании культуры, подходит к последней как ключевому показателю общественной эволюции и цивилизационной динамики.

В современную эпоху темпы общественной динамики приобрели колоссальные размеры и скорость, что определило необходимость переосмысления закономерностей общественной эволюции и подходов к ее изучению. В границах постнеклассической модели социально-гуманитарных исследований появляются идеи о нелинейном характере развития общества, о разнонаправленных тенденциях социокультурной динамики, в которой, наряду с унификацией культуры динамично развиваются процессы диверсификации культуры, а потому исследование любого явления с позиций его культурной обусловленности в современном глобализирующемся обществе нуждается в применении адекватной методологии, позволяющей использовать потенциал различных дисциплинарных практик.

Такая модель исследования, возможная в рамках неоклассической модели научного исследования, отталкивающаяся от того, что реальность – это многомерное явление, нуждающееся в изучении на основе инструментария различных наук [6], позволит рассматривать семейную культуру как целостное, не ограниченное парадигмальными рамками одной научной дисциплины явление, в котором современные процессы социокультурной динамики, связанные с унификацией и диверсификацией культур [7], смогут предстать как взаимосвязанные друг с другом и определяющие динамический характер развития семейной

культуры молодежи как социальной группы, находящейся на пересечении традиций и инноваций.

С позиций этого методологического подхода семейная культура рассматривается нами как совокупность когнитивных, ценностных и поведенческих установок, детерминирующих восприятие семьи в обществе и характер семейных практик.

Мир, вовлеченный в пространство глобализации и связанных с ней инноваций, стремительно распространяющихся через информационные каналы, тем не менее, сохраняет некие культурные константы, которые не только не исчезают, но начинают играть более важную роль, чем прежде, поскольку активно противостоят новым тенденциям, образцам поведения, в частности в сфере семьи, а потому формирование семейной культуры молодёжи становится результатом сложного переплетения традиционного и инновационного. В результате в каждом обществе семейная культура, основанная на определенных культурных универсалиях (константах), но видоизменяющаяся под воздействием распространяющихся через глобализационные каналы новых ценностей и норм, образцов поведения и семейных практик, приобретает свой уникальный облик.

Этот уникальный облик в наиболее явном виде проявляется в семейной практике молодежи, социализация которой происходит в принципиально новых условиях, связанных с развитием цифровых информационных технологий, распространения Интернет-технологий и виртуализации социального пространства как пространства коммуникации, уже далеко вышедшего за пределы реального взаимодействия.

Новое поколение, которое часто называют виртуальным, цифровым, экранным, сетевым и т.д., иначе воспринимает саму реальность, имеет свою оценочную систему, отражающую ее восприятие значимых явлений, в том числе и таких, как семья и брак. И даже в тех регионах, которые до сих пор считаются сохраняющими традиционный облик, традиционное отношение к семейно-брачным отношениям, фиксируются модернизационные явления [8], прежде всего, в молодежной среде, связанные с уходом от стандартных схем и стереотипов семейного поведения и переходом к современным ценностям и нормам семейной жизни в формате эгалитаризации, пусть и с трудом пробивающей себе дорогу, особенно в условиях актуализации этнических ценностей и тенденций архаизации, также вызванных глобализационными процессами.

Динамика развития и вектор трансформации семейной культуры молодежи, во многом, обусловлен, этнокультурными характеристиками населения, спецификой самого региона, наличием этноконтактной зоны, устойчивостью традиционных устоев семейной жизни, что немаловажно в условиях интенсивного культурного обмена, который неминуем в информационную эпоху и определяется характером взаимодействия традиционной и массовой культур. Но надо понимать, что порождение новых типов, форм культур, в том числе и семейной культуры, происходит на основе уже имеющейся культурной матрицы с ее традициями и обычаями,

ценностными и когнитивными установками, ментальными особенностями и поведенческими образцами.

Иными словами, исследование семейной культуры молодежи не может не включать в себя анализ исходных оснований той семейной культуры, на основе которой выстраивается фундамент новой культуры, ставшей следствием синтеза традиционных и модернизационных элементов этой культуры. Такой анализ предполагает, согласно данному нами выше определению семейной культуры, изучение когнитивных представлений молодежи о том, что представляет собой семья и какой она должна быть, ценностных оснований как отражение места семьи в иерархии ценностей молодежи и поведенческих установок, в которых отражаются правила и образцы поведения в семейной сфере, принятые молодежью в качестве адекватных сложившейся реальности.

Таким образом, структура семейной культуры молодежи предстает в виде трех ключевых элементов, включающих знаниевый (когнитивный), ценностно-мировоззренческий и поведенческий (деятельностный) компоненты. В совокупности этих элементов в сознании молодежи формируется не только представление о семье и семейных отношениях как некие идеалы и идеальные образцы, но и установки на определенные действия, поступки и поведение в семейной жизни, ориентации в выборе брачного партнера, видение семейных ролей и их распределение.

Одним словом, семейная культура каждого общества и его социальных групп отражает определенную модель семьи, сформировавшуюся в обществе и определяющую семейные ценности, семейные стратегии и развитие семейно-демографической сферы общества в целом. Если в обществе доминирует одна модель семьи (к примеру, детоцентристская), то в границах ее ценностно-нормативных оснований будет формироваться и семейная культура молодежи, включающая в качестве доминантной позиции установку на детность как причину создания и функционирования семьи. В такой модели семьи, как супружеская семья, получившую широкое распространение в современном мире, благодаря либерализации социальной и, в том числе, семейной сферы, центром семьи, условием ее создания и сохранения будут выступать супружеские отношения с соответствующей семейной культурой с ее ролевым распределением, спецификой родительно-детских отношений, особенностями репродуктивного поведения и т.д.

Когда же в обществе не существует общепринятой и разделяемой модели семьи, т.е. доминантной модели, то и семейная культура на уровне унифицированной, выступающей целостным и единым пространством формирования семейных ценностей и установок молодежи, будет отсутствовать. Это происходит, как правило, в обществах переходного типа, когда в трансформационные процессы втянуты все базовые социальные институты, и институт семьи, соответственно, когда разрушается единое ценностно-нормативное и социализационное пространство и в обществе господствуют стихийные процессы, детерминирующие динамику институционального развития и определяющие, зачастую, разрушительный

характер функционирования институциональной системы, стремительно утрачивающей свой адаптационный, самоорганизационный и, в целом, антиэнтропийный потенциал [9]. Социум начинает развиваться по траектории парадоксального общества, в котором все социально значимые явления и процессы, ответственные за обеспечение нормального («здорового») воспроизводства общества, подчиняются иным законам развития, не связанным с принципами социальной справедливости, социального государства, социальной полезности.

В таком обществе появляются и получают массовое распространение парадоксальные с точки зрения нормального развития общества и восприятия общества как «здорового» явления – «работающая бедность» [10], «детская бедность», «незащищенное детство», причем под эгидой социального государства, как это происходит в современной России [11]. Неудивительно, что семья в России как площадка формирования семейной культуры и ее воспроизводства в обществе в указанных условиях не может эффективно выполнять эту свою функцию в процессе реализации социализационной миссии, а естественным образом, подчиняясь логике развития негативных явлений в экономической, духовной, политической сферах жизнедеятельности, транслирует целую гамму отрицательных социализационных явлений.

И это следует рассматривать как зеркальное отражение самого общества, в котором данная семья функционирует, воспитывает детей, адаптируется к парадоксальной реальности, выживает, применяя адаптационные ресурсы самого разного свойства, становясь для молодых поколений тем самым образцом поведения в семейной сфере, который, возможно, и расходится с нормативным, заложенным на уровне ментальных оснований, но выступает ориентиром для семейных стратегий в неизменных с точки зрения кризисных факторов социальной реальности [12] условиях.

А какими могут быть семейные стратегии и сама семейная культура в условиях роста социальной неопределенности и отсутствия у российской молодежи видения жизненных перспектив и успешной самореализации в системе сложившихся социальных отношений и социального неравенства, которое ассоциируется у россиян с бедностью и социальной несправедливостью [13]? Эти семейные стратегии не основываются на устойчивых и позитивных жизненных проектах, которые выстраивать в обществе риска и социальной неопределенности практически невозможно, и, в результате, как отмечают российские исследователи, снижается социальное самочувствие молодежи [14], отражающееся на ее семейных практиках и семейном благополучии.

Итак, подводя итог, следует подчеркнуть, что в каждом обществе формируется особая семейная культура, которая может не носить унифицированный вид, дифференцируясь по типам существующих в социуме моделей семьи или сочетать в себе элементы различных моделей семьи и семейных отношений. В рамках семейной культуры общества, но под влиянием динамично меняющейся реальности, вызванной

глобализационными процессами и развитием информационных технологий, формируется семейная культура молодежи, которая отражает ее когнитивные, ценностно-мировоззренческие и поведенческие установки в отношении семьи. Глубокий анализ этих структурных элементов семейной культуры молодежи в каждом из регионов российского государства с его этнокультурными и социокультурными особенностями позволит выявить не только современное состояние семейной культуры молодых поколений, но и определить тенденции ее трансформации с учетом традиционных и современных, связанных с влиянием глобализации, факторов и условий развития сферы семейных отношений.

Литература:

1. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 368-370.
2. Сущность культуры. Ростов-на-Дону: РГУ, 1979. 264 с.
3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 149.
4. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Веселая наука. Злая мудрость. Минск:ООО "Попурри", 1997. 704 с.
5. Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 365.
6. Лубский А.В. Методология социального исследования. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 125.
7. Голубинская А.В. Диверсификация и унификация культур в глобальном веб-пространстве // Век глобализации. 2017. № 1. С. 98-105.
8. Верецагина А.В., Шахбанова М.М. Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 78-85.
9. Воробьев Г. А. Энтропийный рост в российском обществе в проекции социальной неопределенности // Гуманитарий Юга России. 2017. № 4. С. 126-134.
10. Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 20-31.
11. Верецагина А.В., Бандурин А.П., Самыгин С.И. Незащищенное детство в социальном государстве: парадоксы российской действительности и угрозы социальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 20-23.
12. Силласте Г. Г. Кризисы в модусах времени и его социальные уроки // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 45-59.
13. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. С. 281.
14. Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И., Рачина А. В. Социальное здоровье российской молодежи в контексте региональных миграционных процессов: угрозы национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 59-71.

Literature:

1. *Thesaurus of sociology: the themat. words-reference.* / Ed. J.T. Toshchenko. M.: UNITY-DANA, 2009. P. 368-370.
2. *The essence of culture.* Rostov-on-Don: RSU, 1979. 264 p.
3. Mamardashvili M.K. *As I understand philosophy.* M., 1990. P. 149.
4. Nietzsche F. *Human, too human. Merry science. Evil wisdom.* Minsk: Open Company «Popurri», 1997. 704 with.
5. Toshchenko Zh.T. *Sociology of Life: a monograph.* Moscow: UNITY-DANA, 2016. P. 365.
6. Lubsky A.V. *Methodology of social research.* M.: INFRA-M, 2017. P. 125.
7. Golubinskaya A.V. *Diversification and unification of cultures in the global web space // The age of globalization.* 2017. No. 1. P. 98-105.
8. Vereshchagina AV, Shakhbanova M.M. *Ethno-cultural specificity of the demographic behavior of the Dagestan family // Sociological research.* 2013. № 6. P. 78-85.
9. Vorobyev GA *Entropy growth in the Russian society in the projection of social uncertainty // Humanitarian of the South of Russia.* 2017. № 4. P. 126-134.
10. Gorshkov M.K. *Public inequalities as an object of sociological analysis // Sociological research.* 2014. № 7. P. 20-31.
11. Vereshchagina AV, Bandurin AP, Samygin SI *Unprotected childhood in a social state: paradoxes of Russian reality and threats to social security // Humanitarian, socio-economic and social sciences.* 2016. № 3. P. 20-23.
12. Sillaste GG *Crises in the modes of time and his social lessons // Humanitarian of the South of Russia.* 2016. № 1. P. 45-59.
13. *Poverty and the poor in modern Russia / Ed. M.K. Gorshkova and N.E. Tikhonovoy.* M.: The whole world, 2014. P. 281.
14. Gafiatulina N. Kh., Samygin S.I., Rachipa A. V. *Social health of Russian youth in the context of regional migration processes: threats to national security // Humanitarian of the South of Russia.* 2016. № 3. P. 59-71.